

Ностальгия по одной советской практике: соцсоревнование 1960-х в памяти современных нестоличных горожанок

Н.А. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН,
119333, г. Москва, ул. Вавилова, 48, Россия
E-mail: pushkarev@mail.ru

А.В. Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН,
119333, г. Москва, ул. Вавилова, 48, Россия
E-mail: Travel822@yandex.ru

Аннотация. В статье реконструируется страница истории страны в эпоху хрущевской оттепели, давно попавшая в «реестр забытого»: утопичная форма состязания двух городов за лучшее решение проблемы их озеленения. В 1950-1960-е гг. идеология облекла такое состязание с целью повышения темпов работы соревнующихся сторон в игровую форму, чтобы участники соревнования не ощущали усиления контроля за степенью производительности труда, аккуратности использования ими материальных ресурсов. Этот идеологический маневр настолько удался его инициаторам, что даже спустя более полувека в социальной памяти участников соревнования не осталось смутных догадок о неоплаченном времени, трудовых затратах, изощренной эксплуатации, а сохранились лишь светлые эмоции, сильно замешанные на «ностальгии по советскому». Опираясь на понятие «антропологии оказываемого доверия» (*une anthropologie de la credibilite*) М. де Серто, авторы характеризуют изучаемое ими явление «не по прошлому ностальгией, ностальгией по настоящему» (выражение поэта Андрея Вознесенского). Они имеют в виду ностальгию по верной дружбе, ощущению соучастия в важном и нужном всем деле, по неподдельному энтузиазму. Изучив попытку создания в сибирском городе Омске настоящего города-сада, исследователи пришли к выводу о сохранении в изучаемом ими

коллективном начинании традиционного духа общинности, коллективизма.

Проанализированные нарративы подтвердили и то, что эксплуатация духовных устремлений людей – состояние ресурсное, нестабильное и не могущее эксплуатироваться много лет подряд. Забытый факт организации соцсоревнования Омска с Ленинградом сейчас уже не более, чем часть устной традиции. Но анализ её позволил выяснить, как коллективное измененное в тигле индивидуальных практик, дает возможность глубже осмыслить жизнь поколений, её оценку носительницами коллективной памяти. Оценка эта позитивная. Гендерный фактор (в статье проанализированы бытовые воспоминания женщин о своей молодости) тоже сыграл свою роль.

Ключевые слова: память, забвение, социалистическая утопия, эго-документы, устная история, повседневные практики, гендерные особенности запоминания.

Благодарности: Выполнено в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-910).

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. 2023. Ностальгия по одной советской практике: соцсоревнование 1960-х в памяти современных нестоличных горожанок. *Tractus Aevogum*. 10 (3): 357-371. DOI: 10.18413/2312-3044-2023-10-3-357-371

Copyright: © 2023 Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevogum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

**Nostalgia for one Soviet practice: socialist competition
of the 1960s in the memory of modern
non-capital townswoman**

Natalia L. Pushkareva

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
48 Vavilova st., Moscow, 119333, Russia
E-mail: pushkarev@mail.ru

Alexander V. Zhidchenko

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
48 Vavilova st., Moscow, 119333, Russia
E-mail: Travel822@yandex.ru

Abstract. The article reconstructs a page of the country's history in the era of the Khrushchev thaw, which has long been included in the "register of the forgotten": a utopian form of competition between two cities for the best solution to the problem of their greening. In the 1950s-1960s, ideology clothed such a competition in order to increase the pace of work of the competing parties in a game form so that the participants in the competition do not feel the strengthening of control over the degree of labor productivity, the accuracy of their use of material resources. This ideological maneuver was so successful for its initiators that even after more than half a century in the social memory of the competition participants there were no vague guesses about unpaid time, labor costs, sophisticated exploitation, and only bright emotions, strongly mixed with "nostalgia for the Soviet", remained. Based on the concept of "anthropology of trust" (une anthropologie de la credibilite) by M. de Certeau, the authors characterize the phenomenon they are studying "not for the past with nostalgia, nostalgia for the present" (the expression of the poet Andrei Voznesensky). They mean nostalgia for true friendship, a sense of complicity in an important and necessary business for everyone, for genuine enthusiasm. Having studied the attempt to create a real garden city in the Siberian city of Omsk, the researchers came to the conclusion that the traditional spirit of communality, collectivism, was preserved in the collective undertaking they were studying.

The analyzed narratives also confirmed that the exploitation of people's spiritual aspirations is a resource state, unstable and unable to be exploited for many years in a row. The forgotten fact of orga-

nizing socialist competition between Omsk and Leningrad is now no more than a part of the oral tradition. But the analysis of it made it possible to find out how the collective change in the crucible of individual practices makes it possible to more deeply comprehend the life of generations, its assessment by the carriers of collective memory. This assessment is positive. The gender factor (the article analyzes the everyday memories of women about their youth) also played a role.

Keywords: memory, oblivion, socialist utopia, ego documents, oral history, everyday practices, gender characteristics of memorization.

Acknowledgements: It was carried out in accordance with the research plan of the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant agreement No.: 075-15-2020-910).

For citation: Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. Nostalgia for one Soviet practice: socialist competition of the 1960s in the memory of modern non-capital townswoman. *Tractus Aevorum*. 10 (3): 357–371. DOI: 10.18413/2312-3044-2023-10-3-357-371.

Введение

Современные молодые люди мало, что знают о такой ныне забытой форме конкуренции, которая именовалась в советском идеологическом тезаурусе социалистическим соревнованием. Возникнув в 1929 г., термин *соцсоревнование* определял поначалу особые общественные отношения именно и только в индустриальной сфере, но в послевоенные годы эта особая форма конкуренции стала считаться способом «развития творческой инициативы трудящихся не только на производстве, но и в сфере культуры и быта»¹. С высоты сегодняшнего дня очевидно, что соцсоревнование – типичная идеологема – «языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический»².

Иными словами, помимо собственно конкуренции, в понятии соцсоревнования имелся всегда дополнительный смысл, суть которого – во влиянии термина и слова на массовое сознание. «Простой советский человек» не должен был ощущать усиления контроля за степенью своей

¹ Мелконян 1971, 462.

² Купина 2000, 183.

производительности труда, аккуратности использования им материальных ресурсов, и потому такой контроль нужно было облечь в игровую форму, в состязание с целью повышения темпов работы двух состязающихся сторон. Этот идеологический маневр удался его инициаторам, и удался настолько, что даже спустя более, чем полвека, а то и больше в социальной памяти участников пресловутого соревнования часто не оставалось ни обид, ни смутных догадок о неоплаченном времени, трудовых затратах, изоэренной эксплуатации, а сохранились лишь светлые эмоции, сильно замешанные на «ностальгии по советскому»³.

Доказательством тому стала наша работа над проектом РФФИ по изучению женской социальной памяти, заставившая обратить внимание на характерную особенность рассказов жителей Омска о времени «хрущевской оттепели»: почти все они упоминали о превращении в это время места, где они росли, в настоящий «город-сад». Этот факт заставил задуматься о том, как и почему у рассказчиц – а хранителями памяти о повседневном остаются прежде всего они⁴ – сложилось такое впечатление, какие бытовые детали сохранились от того времени в их памяти настолько, что в буквальном смысле сформировали особую память об утопии (современный Омск – город зеленый, но городом-садом его назвать сложно).

Предмет и методология исследования

Послевоенный Омск в воспоминаниях его жителей и идея его озеленения

Историю воспоминаний о послевоенном Омске стоит начать с социальных ожиданий живших в нем горожан. Обсуждая в начале 1950-х гг. облик города будущего, они мечтали о городе, утопающем в зелени. Формированию такого образа отчасти помогли фронтовики, которые вернулись из Европы с рассказами о том, в каких домах живут люди за рубежом, какие ухоженные у них дворы с клумбами, парки, палисадники и скверы. Потому и в СССР зародилась идея обеспечить сочетание развитой инфраструктуры, большого количества рабочих мест, достойных зарплат, желанной образовательной среды, доступности объектов культуры (что свойственно *городу*) – с невысокой ценой жилья и соединенностью с природой (как при жизни в *сельской местности*). Осуществлять эту идею было призвано «зеленое строительство» или попросту озеленение. Средств на реализацию этой затеи в бюджете городов было мало, и идеологи решили сделать упор на социалистическую конкуренцию. Стало ли социалистическое соревнование в «зеленом строительстве» точкой пересечения ожиданий и реальности,

³ Ностальгия по советскому, 2011.

⁴ Пис 2013.

как то задумывалось идеологами? Насколько сформулированные цели были способны повлиять на готовность жертвовать свободным временем и досугом во имя общественного блага, когда страх кары за неучастие уже не так довлел, как в годы сталинщины? И как вспоминается то ушедшее время самими жителями, в каких тонах и красках?

Ответы на эти вопросы мы решили найти в устных историях⁵ – более, чем сотне рассказов омичей, вспомилавших свое детство и юность; свыше 80% их – это рассказы женские хотя бы потому, что продолжительность женских жизней в нашей стране дольше⁶. Из этих историй мы узнали, что к концу 1950-х гг. послевоенная жизнь стала стремительно меняться (вслед за Москвой) в сторону большей благоустроенности не только для обеспеченной части общества, парт- и работников, но и для обычных людей. Строительство домов с центральным газоснабжением и отоплением, водопроводом (пусть дополненным газовой колонкой), с ванной и канализацией, тех самых домов, которые позже презрительно называли «хрущобами», сопровождалось освоением новых земельных участков в пригороде. Их, помимо асфальтирования и освещения, нужно было облагородить созданием парков и скверов. Омск в то послевоенное время был (если верить воспоминаниям) вполне сопоставимым со «второй столицей», Ленинградом, где быстро после войны восстанавливали жилищный фонд, но на высадку деревьев, кустов, пресловутое «озеленение», средств не хватало.

Разумеется, никто из рассказчиц не помнил конкретной даты заключения неформального соглашения между председателями Ленгорисполкома и Исполкома Омского городского Совета депутатов трудящихся об организации с 1959 г. особого соревнования, нацеленного на быстрое создание в своем регионе образцового «города-сада». На основании нормативных актов мы восстановили историю этого соглашения. В 1958 г. руководители омского горкома съездили в столицу «по обмену опытом» (под Москвой в это время заложили город-сад в районе деревни Крюково, позже названный Зеленоградом), проштудировали новую литературу⁷. И когда на страницах «Омской правды» идеологи предложили посоревноваться в благоустройстве новых кварталов именно с ленинградцами, рядовые горожане не отказались. «Об этом говорили повсюду, не только на официальных совещаниях. На работе, в трамвае, на улице, дома, говорят взрослые, дети, рабочие, ученые, студенты, домохозяйки»⁸. Так писала «Омская правда». Но находила ли идеальная модель воплощение в жизни?

⁵ Семенова 2021, 106–119.

⁶ Пушкарева 2014, 3–11.

⁷ По пути, начертанному 1956, 3.

⁸ Родионов 1959.

Результаты и их обсуждение

Прилив энергии»: память об утопии?

Обращение к старожилам неожиданно подтвердило существование тогда общего духа включенности в полезное дело, ровно такое, как о нем писала пресса («каждый будто получил прилив сил, энергии»). Никто из рассказчиц не мог сказать, кто конкретно бросил клич (а дело было на омском городском партактиве 5 мая 1959 г., где выступал завотделом сельского хозяйства горисполкома Г.Г.Шкулов) – но многие вспомнили, что тогда «все говорили», что Ленгорсовет вызывает трудящихся Омска на соцсоревнование по зеленому строительству, и омичи оценили это как «большую честь для нашего города».

Вопрос о том, присутствовал ли в призыве отдать свои силы объявленному соцсоревнованию момент манипулятивный⁹, судя по воспоминаниям, ни перед кем не стоял. В обществе, преодолевшем сталинщину и строящем коммунизм, всячески создавалась атмосфера духовного подъема, энтузиазма. Именно поэтому индивидуальные воспоминания об оттепелном периоде в жизни Омска остаются для нас не только «непосредственным свидетельством о прошлом, но и одним из признаков культурного контекста вспоминающего»¹⁰. Надо было высадить 30 тыс. лиственниц?¹¹ Так к делу приступили тут же! И поныне говорят о том с гордостью: «это ж наш город, мы делали это для наших детей»¹².

Мало, кто задумывался о том, что не сами «строители коммунизма», но именно идеология настаивала на приоритете общественного над личным (как пелось в песне Д. Тухманова-В. Хартонова 1972 года: «сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня»), на жертвенности - готовности поступаться личными интересами. Сказывалась и вера в то, что трудности быстро преодолимы, она подпитывала энтузиазм; да и эффект времени, удаленности события – уже мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания. Респондентки, например, рассказали, что некоторых пугала сверхурочная неоплачиваемая работа просто ради выполнения кем-то придуманных обязательств, но таких несогласных никто не заставлял трудиться (разве что в школе такое случалось; желавших увильнуть могли заставить мыть в классе полы целый месяц)¹³. Не участвовать было, скорее, зазорно: «это было... как в армию идти. Не идешь,

⁹ Аронсон, Пратканис 2008.

¹⁰ Ассман 2014.

¹¹ Справка об озеленении...

¹² Артамонова, 2008.

¹³ Шипицина 2008.

значит, негодный. Поэтому все шли. Ходили пообщаться, было весело»¹⁴ – говорят мужчины, помнящие то время. Отлынивавших мысленно приравнивали к тунеядцам, «которым лишь бы выпить»¹⁵, правда, и о них воспоминания лишены осуждения: «были те, кому не хотелось копаться в земле; но [тогда ж] была пионерия, дисциплина!»¹⁶.

Сопоставляя прежние времена и сегодняшние, омичи не без горечи констатировали: «это сейчас никто не чихнет без денег», а «тогда давили на сознательность». Что касается известного в советское время выражения «Коммунист – значит первый», рассказчицы честно признавались: начальство примером не было, благоустройством не занималось. «Директор показывался, что он тут, – и сразу уезжал. Начальники поменьше выходили тоже с нами, но как бы не очень сильно работали. А в новостях всегда говорили, что и директора тоже работают, для показухи это делалось»¹⁷. Честность оценок трудового вклада и участия представляются важными при размышлениях о своеобразии советской ностальгии. Правда жизни не укрывалась от вспоминавших, но все же та социальная практика – всеобщей вовлеченности в доброе дело – отзывается в памяти теплом. Нет в этой памяти ни героического этоса, ни гламуризации прошлого; но есть желание поделиться собственной памятью о счастливом времени надежд (которое сегодня воспринимается как память об утопии).

Найти современных ленинградцев, которые бы помнили об том соцсоревновании по озеленению города, нам не удалось.

Зато среди омичей таких немало: многие помнят, что тогда были специально продлены часы работы детсадов, ясель, магазинов, столовых, булочных, кулинарий¹⁸. Общая идея соревновательного участия в добром деле захватила многих, так что и годы спустя, рассказывая о том десятилетии, редко, кто говорил, что тот бесплатный сверхурочный труд был утомителен как всякая «обязаловка». Напротив, в рассказах звучала счастливая возможность рассказать о светлых днях молодости: «Собирали листву, хором – смех, шутки. Нас всех в столовой, когда шли те субботники, чаем поили с пирожками»¹⁹.

Холодная насмешливость нынешнего времени заставляла нас ставить вопрос о возможности «продуманного заражения общей идеей»²⁰ – идеей коллективного соучастия... Но респондентки нас не понимали. Там, где нам виделась унылая заорганизованность, сами омич-

¹⁴ Грицин 2009; Еремин 2008.

¹⁵ Гусева 2008.

¹⁶ Дмитриенко 2008.

¹⁷ Рысцова 2020.

¹⁸ Решения Омского горсовета...

¹⁹ Баранов 2008; Замесин 2020.

²⁰ Авдеенко 2018.

ки видели разумную строгость: за каждой школой была закреплена своя улица, делившаяся на отрезки, каждый из которых отдавался одному школьному классу. Маленькие горожане «радовались тому, что участвовали в этом наравне со взрослыми, белили бордюры, белили деревья...»²¹, «весь май уроки были сокращенные, мы были счастливы... бежали на наш участок, быстро работали во дворах»²² – и такая радостная оценка событий заставляла нас «притормаживать» в попытках осовременить эмоциональный режим прошлого, навязывая ему нынешнюю негативность.

Добиваясь оценочных ответов, мы выяснили, что тогдашний организованный идеологами «порыв» современные омичи считали и считают вполне нормальным, поясняя: «был же субботник перед 22 апреля, днем рождения Ленина, и весь год каждый вечер мы мыли класс. Раз в четверть – генеральная уборка. А тут то же самое, только на улице!». Больных не привлекали, но участие сильных и здоровых предполагалось само собой. О необходимости участия в общем труде после работы предупреждали заранее, чтобы пришедшие могли соответствующе одеться («с отдела один человек ежедневно выходил на озеленение все лето. Пыльные, грязные заканчивали. Сразу потом отпускали домой»)²³. В известном смысле, участие в озеленении города оказывалось субститутом молодежных посиделок и традиционных русских «помочей», когда «всем миром» делалось какое-то общее деревенское дело, например, строился дом для молодой семьи²⁴. «Мы с удовольствием на эти субботники ходили, потому что женщины были в коллективе, брали с собой выпить, еду с собой, после работы расстилали поляну. Были и песни, и пляски, вокруг оврага бегали, цветы собирали. Так было здорово всегда. Я даже сейчас вспоминаю с ностальгией»²⁵.

Мы признаем, что воспоминания такого рода были «сочинением на заданную тему»: история участия в соцсоревнованиях советского времени сейчас мало, кем вспоминается. Ныне, много лет спустя, для рассказчиц стало очевидным, что призыв партии и правительства участвовать в полезном деле не был обеспечен материально-технически. Не хватало инвентаря (приносили сами, сами делали), «мешков и перчаток вообще тогда не было – были носилки – тоже вместо них использовали доски, старые двери»²⁶, но никто и подумать не мог, чтобы потребовать что-то от организаторов. Они же, убеждая принять участие в соцсоревновании с ленинградцами, напоминали: «город наш промышленный, воздух загрязнен», потому сажали большей частью то-

²¹ Гришина 2008.

²² Анохина 2009.

²³ Сливина 2009.

²⁴ Безгин 2004, 274.

²⁵ Курьшева 2008.

²⁶ Сайко 2008.

поля: «считалось, что они лучше поглощают вредные вещества»²⁷. Последствия массовых посадок именно тополей как сильнейших аллергенов тоже никто не просчитывал; этот вид зеленых насаждений быстро рос, а целью был как раз скорый результат.

Совноста́льгия или настоя́щая зара́женность общей идеей?

Воспоминания омичек о попытке создать «город-сад» не содержат следов попыток переосмыслить то «организованное желание» и переоценить тогдашнее целеполагание государства и общества. «Совноста́льгия» настолько сильна, насколько живо чувство, что тогда была объединенность общей идеей, и идею эту они рассказчицы не сочли дискредитированной (и впрямь надеждам на эгалитарность – не одна тысяча лет)²⁸. Все жизненные истории женщин, рассказавших с гордостью о том, что было ими сделано в молодости, какими бы наивными ни казались нам эти рассказы, – часть национального нарратива. А сделано было немало! За считанные месяцы в Омске были разбиты скверы, проложены бульвары. В городе, где население составляло 600 тыс. чел, на каждого жителя в 1960 г. пришлось по 70 кв. метров зеленых насаждений, за один 1959 год было высажено 500 тыс. деревьев и 1,2 млн кустарников²⁹.

Соревнование с Ленинградом запомнилось рассказчицам, которые ныне немолоды, как время быстрого изменения быта: одновременно с озеленением впервые была решена проблема вывоза мусора, здания «утепленных уборных» в рабочих бараках (свои квартиры получили тогда далеко не все). Никакого протеста в отношении общественного контроля личного жилого пространства через *домашние комитеты* (домкомы), которые тоже создавались в рамках все той же социальной практики³⁰, в их рассказах не ощущается. Домкомы формировались из соседей, ходивших по квартирам и проверявших наличие удобств, чистоту: «могли зайти в любое время, никто не имел права их не пустить». Члены комитетов могли заглянуть в шкафчики на кухне, чтобы убедиться в отсутствии тараканов. Квартиры с балконами были прерогативой многолетних или передовиков производства, считались роскошью. От «балконных монополистов» в обстановке соревнования ожидалось содержание их в чистоте, наличие цветов в горшках, исключалась сушка белья: балкон считался элементом фасада, «собственностью города»³¹.

²⁷ Грицин 2009.

²⁸ Базовые ценности 2003.

²⁹ Малунцев 1960, 53.

³⁰ Воупт 1994.

³¹ Решения Омского горсовета, 4-6; Анохина 2009.

«Молчаливая и ускользящая память»³² женщин о попытке создания в Омске «города-сада» – это память о навязанной сверху идее «общего прорыва», легкой на социальную почву, удобренную желанием, рожденным снизу. Новый облик города менял идентичность его жительниц, фигурально выражаясь, они расправляли плечи: «Мы, жившие на окраинах, отправляясь в центр, теперь брали с собой другую обувь – туфли, чтобы переобуться в трамвае. Они были, помню, тоже не у всех, на завод-то все ездили в рабочих сапогах или валенках на грузовых машинах»³³.

За пару лет центр Омска разительно изменился. Об этом говорят редкие открытки тех лет, фотографии семейных альбомов, документальный фильм «Город миллиона цветов». Говорившие с нами вспоминали, что фильм тот показывали в кинотеатрах Омска чуть ли не весь год перед обычными сеансами. Мы искали, но он не сохранился ни в частных коллекциях, ни в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов. Начатое соцсоревнованием с ленинградцами, десятилетие 1960-х было отмечено эхом энтузиазма – продолжалось благоустройство пляжей, набережных, высаживались новые тысячи деревьев, счет луковицам цветов шел на миллионы... Но такой эксплуатируемый энтузиазм не мог быть долговременным. Движение за превращение Омска в город-сад стало затухать и к 1963 г.; публикации об этом исчезли со страниц местной печати.

Мы спрашивали в 2018 г. тех, кто помнит события полувековой давности, как оценивают они то время и свое участие. Свыше 70 % респондентов готовы считать соцсоревнование городов позитивным начинанием, помогшим сближению людей; и в этом ресурсное значение памяти о повседневном³⁴. Рассказчицы неоспоримо уверены, что строили «город 200 парков, скверов и бульваров», реальный «город-сад» (словосочетание застряло в головах современных омичей и омичек). Но примем во внимание фактор возраста – рассказавшие о том времени женщины были тогда юны или молоды. Их тогдашняя жизнь в коммуналах и общежитиях с высоты прожитых лет оценивается ими как воплощение взаимопомощи, коллективной ответственности за город, его чистоту и озелененность.

Показательно, что ленинградцы о том соцсоревновании не помнят. А в Омском историко-краеведческом музее стоит большая деревянная шкатулка с лакированными дверцами, изготовленная омскими рабочими в подарок Ленинграду. На левой изображена ленинградка в платице на фоне Медного всадника... На правой – омичка в заводской рабочей форме, с косынкой на голове на фоне построенного в 1956-м году центрального фонтана «Изобилие». Девушки протягивают друг

³² Randall 1984, 40.

³³ Медведовская 2008.

³⁴ Sheringham 2000, 199.

другу цветы. Таких шкатулок было две; одну торжественно вручили комсомольцам Ленинграда – и её судьба неизвестна. Вторая – сохранилась в Омске, который не предал забвению те годы. Об этом говорит мост через Иртыш, названный Ленинградским, Ленинградская площадь и кафе «Ленинградское», открытое в начале 1960-х гг. Ничего «ответного» в современном С.-Петербурге, чтобы было бы памятью о тогдашнем соцсоревновании городов, кроме одной улицы, состоящей из ныне кажущихся безликими, «хрущоб», нет – та улица у метро «Новая деревня» именуется Омской, и свое название она получила в далеком 1964 году.

Заключение

Осмывая полузабытую страницу истории страны в эпоху хрущевской оттепели, трудно не заговорить о «призрачной сокровенности культуры» (в данном случае – советской культуры), содержащей особый «реестр забытого»³⁵: в данном случае речь о такой утопичной форме соревнования, как состязание городов за лучшую озелененность. Победные сообщения омских горсоветов и горкомов партии и комсомола, отчитывавшихся об итогах соцсоревнования оказалось возможным и эвристически полезным сопоставить с духовными запросами горожан того времени. Без введенного в оборот философами (и прежде всего М. де Серто) понятия «антропологии оказываемого доверия» (*une anthropologie de la credibilite*) современный аналитик не может подходить к рассказам тех женщин, которые по зову сердца участвовали в тех социальных практиках. И действительно, перед нами неожиданно для нас предстала – говоря строкой поэта-шестидесятника, «не по прошлому ностальгия, ностальгия по-настоящему» (А.А. Вознесенский). И ленинградцы, и историки страны в целом успели забыть за несколько десятилетий разобщенности и нацеленности на индивидуальный успех притягательность общего настоящего дела, и именно по нему тосковали те, кто рассказал свои жизненные истории. Над всей тогдашней работой по сотворению в Омске города-сада витал дух «общинности» со всеми её положительными и отрицательными сторонами. А то, что в те времена многим именно предписано было мечтать о светлом будущем, о городах-садах, и воплощать эти мечты своим ежедневным трудом, – об этом как раз и не думается, это забыто.

Рассказанный эпизод советской истории 1950-1960-х годов важен как память о том, как заложенная идеологией обязанность безвозмездного участия выдуманном социальном состязании породила настоящий энтузиазм и серию особых действий, современных тогдашним мечтам о коммунистическом завтра. Проанализированные нарративы подтвердили и то, что эксплуатация духовных устремлений людей – состояние ресурсное, нестабильное и не могущее эксплуатироваться

³⁵ Certeau 1993, 63.

много лет подряд. Забытый факт организации соцсоревнования Омска с Ленинградом сейчас уже не более, чем часть устной традиции. Но анализ её позволяет понять, как коллективное (история надуманного соцсоревнования) измененное в тигле индивидуальных практик, дает возможность глубже осмыслить жизнь поколений до нас³⁶, её оценку самими носительницами коллективной памяти. Безусловно, это – воспоминания о позитивном. Не будучи травматическими, они могли бы уже и стереться, ведь они не выявлены ни современным официальным дискурсом (в котором нет места воспоминаниям о соцсоревнованиях), ни экспертными оценками, ни кинематографом, ни иными инструментами. Но... сохранились. Возможно, гендерный фактор – это бытовые воспоминания женщин о своей молодости, – тоже сыграл свою роль.

Библиография

- Авдеенко, Е.В. 2018. *Образ жизни как социальный феномен*. Дисс. к. филос.н. Воронеж.
- Аронсон, Э., Пратканис, Э. 2008. *Современные технологии влияния и убеждения*. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Ассман, А. 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: НЛО.
- Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*. 2003. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Безгин, В.Б. 2004. *Крестьянская повседневность (традиции конец XIX – начало XX в.)*. Тамбов: Издательство государственного тамбовского технического университета.
- Купина, Н.А. 2000. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем. *Русский язык сегодня* 1: 182–189.
- Малунцев, А.М. 1960. Хорошеет Омск. *Пусть хорошеют наши города: соревнование Ленинград-Омск по благоустройству городов*: 52-53. Л.: Лениздат.
- Мелконян Л.А. 1971. Социалистическое соревнование. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 13. М.: Советская энциклопедия.
- Ностальгия по советскому*. 2011. Томск: Издательство Томского университета.
- По пути, начертанному Лениным. 1956. *Архитектура и строительство Ленинграда* 1: 2-3.
- Пушкарева, Н.Л. 2014. Об эмпатии в антропологии и важности отдельного описания и изучения мужской и женской повседневности. *Женщина в российском обществе* 1: 3-11.
- Рикёр, П. 2004. *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы.
- Родионов, А. 1959. Чему нас учит опыт ленинградцев. *Омская правда*. 22 августа.
- Семенова, В.В. 2021. Grounded theory. Устная история. *ИНТЕР* 13 (1): 106–119.
- Boym, S. 1994. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge (Mass). London: Harvard univ. press.
- Certeau, M. de. 1993. *La Culture au pluriel*. Paris: Seuil.

³⁶ Рикёр 2004.

- Ilic, M. 2013. *Life stories of Soviet women: The interwar generation*. London-NewYork: Routledge.
- Randall, S.F. 1984. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Sheringham, M. 2000. Attending to the Everyday: Blanchot, Lefebvre, Certeau, Perec. *French Studies* 54: 187–199.

References

- Avdeenko, E.V. 2018. *Obraz zhizni kak social'nyj fenomen [Lifestyle as a social phenomenon]*. Ph.D. in Philosophy diss. Voronezh. (In Russian).
- Aronson, E., Pratkanis, E. 2008. *Sovremennye tekhnologii vlianiia i ubezhdeniia [Modern technologies of influence and persuasion]*. Saint Petersburg: Prime-Evroznak. (In Russian).
- Assman, A. 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika. [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]*. Moscow: NLO. (In Russian).
- Bazovye tsennosti rossiian: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify. [Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths]*. 2003. Moscow: House of Intellectual Books. (In Russian).
- Bezgin, V.B. 2004. *Krest'ianskaia povsednevnost' (traditsii konets XIX – nachalo XX v.) [Peasant everyday life (traditions of the late 19th - early 20th centuries)]*. Moscow; Tambov: Publishing house of the state tambov technical university. (In Russian).
- Kupina, N.A. 2000. Iazykovoie stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem. [Language construction: from a system of ideologemes to a system of culture]. *Russian language Today* 1: 182–189. Moscow: Azbukovnik.
- Maluntsev, A.M. 1960. Khorosheet Omsk. [Omsk is getting prettier]. *Let our cities get prettier: the Leningrad-Omsk competition for the improvement of cities*: 52-53. Leningrad: Lenizdat.
- Melkonyan, L.A. 1971. Sotsialisticheskoe sorevnovanie [Socialist competition]. *Soviet Historical Encyclopedia*. T. 13. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Nostal'giia po sovetскому [Nostalgia for the Soviet]*. 2011. Tomsk: Tomsk University Press.
- Po puti, nachertannomu Leninym [Along the path drawn by Lenin]. 1956. *Architecture and construction of Leningrad* 1: 2-3.
- Pushkareva, N.L. 2014. Ob empatii v antropologii i vazhnosti razdel'nogo opisaniia i izucheniia muzhskoi i zhenskoi povsednevnosti [On empathy in anthropology and the importance of separate description and study of male and female everyday life]. *Woman in Russian society* 1: 3-11.
- Ricoeur, P. 2004. *Pamiat', istoriia, zabvenie [Memory, history, oblivion]*. Moscow: Publishing house of humanitarian literature.
- Rodionov, A. 1959. Chemu nas uchit opyt leningradtsev [What does the experience of Leningraders teach us]. *Omskaya Pravda*. August 22.
- Semenova, V.V. 2021. Grounded theory. Ustnaia istoriia [Grounded theory. Oral history]. *INTER* 13 (1): 106–119.
- Boym, S. 1994. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge (Mass). London: Harvard univ. press.
- Certeau, M. de. 1993. *La Culture au pluriel*. Paris: Seuil.

- Ilic, M. 2013. *Life stories of Soviet women: The interwar generation*. London-NewYork: Routledge.
- Randall, S.F. 1984. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Sheringham, M. 2000. Attending to the Everyday: Blanchot, Lefebvre, Certeau, Perec. *French Studies* 54: 187–199.

Об авторах

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, зав. Центром гендерных исследований, Москва, Россия. ORCID: 0000-0001-6295-3331

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-2948-4008

About the authors

Natalia L. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head. The Center for Gender Studies, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0001-6295-3331

Alexander V. Zhidchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Gender Studies of the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-2948-4008

Поступила в редакцию: 28.09.2023
Принята к публикации: 11.09.2023

Submitted: August 28, 2023
Accepted: September 11, 2023